

МЫ ПОМНИМ

Душа полна утрат, она не отскорбела

Ушел из жизни Булат Шалвович Окуджав (9.5.1924, Москва, - 12.6.1997, Париж). Поэт, прозаик, историкограф, киносценарист, детский писатель, но прежде всего, конечно же, легендарный бард - скре-

щение трех незаурядных дарований, синтез трех искусств. Вечный подросток-романтик, меченый Арбатом. Детство оборвала утрата отца и матери, что стали жертвами сталинского террора. Воспитанник тифлисских теток-бабок, которых благодарно помянул: «Живут в небесах мои бабки и ангелов кормят с руки, на райское пение падки, на доброе слово легки».

В 18 лет добровольцем ушел на фронт, чтобы, уцелев под пулями, исполнить призвание. Воспеть, во-первых, ах, Арбат - детство, отечество, религию; во-вторых, а может, тоже во-первых, фронтовое братство и павших товарищей, Ленку Королева и всю окрестную курносую братву. В его лице не было ничего славянского, но именно он, легкий на доброе слово, по непредсказу-

емой логике искусства и во огорчение ревнителей несуществующей «расовой чистоты», оказался задушевым плакальщиком о всех сверстниках, солдатах Великой Отечественной. Где родился, там и пригрозился.

В Москве сегодня два Арбата: старый и Новый. Но Окуджав связывал свой круг привязанностей и внутренний мир с улицей, которой нет больше: «Была пора, что входит в кровь и помнится, и снится. Звенел за Сретенкой трамвай, светало над Мясницкой. Уже пожар отбушевал, и я отвоёвывал в те дни, когда в Москве Арбат существовал». Одна из его книг называется «Чаепитие на Арбате». Он увидел, точнее, услышал арбатские дворы в ритме то довоенного вальса, то послевоенного танго с северянскими безударными наращиваниями:

«Восславив тяготы любви и свои слабости, слетались девочки в тот двор, как пчелы в август, и совершалось наших душ тогда мужа-ние под их загадочное жаркое жужжа-ние». Он твердо знал, что и почему поет: «О чем бы там перо, красуясь, ни скрипело - душа полна утрат, она не отскорбела».

Его грусть была одобрена шуткой, когда речь шла о собственной смерти. Более десяти лет назад Булат написал: «Чувствую, пора прощаться, все решительно к тому. Не угодно ль вам собраться у меня, в моем дому? Будут ужин, и гитара, и слова под старину. Я вам буду за швейцара - ваши шубы отряхну. И, за ваш уют рада, как у нас идет в роду, я вам буду за лакея и за повара сойду...» Прощание вылилось у него в тост - в честь друзей и дружества.

Дом Окуджавы пуст, хозяина нет. Он это предвидел: «Ну-ка взбежим по ступенькам знакомым! Ну-ка для успокоения души крикнем, как прежде: «Вы дома?... Вы дома?... Двери распахнуты. И ни души».

Кажется, последнее, что напечатал поэт, - «Автобиографические анекдоты» в первом номере «Нового мира» 1997-го. Вспомнил детство и ранние влюбленности. И - в «Гитаристе» - пору своей начальной известности.

Художник неповторим. Утрату Окуджавы невозможно восполнить. Мы привыкли: он живет рядом. И может, думали: он бессмертен. Его уход означает, что поколение шестидесятников окончательно сошло со сцены.

Прощай, Булат!

Владимир ПРИХОДЬКО.

Булат ОКУДЖАВА

Гитарист

Это случилось в пятьдесят девятом году. Я работал в «Литературной газете». У меня уже были первые песенки и первая широкая известность в узком кругу. Это очень вдохновляло меня. Я очень старался понравиться именно им, моим литературным друзьям. Один из них, назовем его Павлом, позвал меня на свой день рождения. Были приглашены и некоторые другие сотрудники из нашего отдела литературы.

Я отправился к Павлу, конечно, вместе с гитарой и со своим ближайшим другом тех лет, начинающим писателем Владимиром Максимовым.

Мы добрались до Плющихи, нашли дом. Нам открыли дверь. Гостей было уже с избытком, и наши уже были здесь.

И вот мы вошли в комнату и начали рассаживаться за уже накрытым столом. Слышался обычный возбужденный галдеж, затем в него вмешался

плеск разливаемого в бокалы вина, затем прозвучал тост в честь пунцового именинника... И звон стекла, и крикание, и вздохи - и вдруг тишина и сосредоточенное поедание праздничных прелестей, и, в общем, как обычно, удовлетворенное журчание голосов, этаким ручеем, превращающийся в мощный поток.

В доме Павла я был впервые, и родственники его были мне незнакомы. Судя по их лицам и разговорам, простые милые люди, в основном из московских работяг. Они и преобладали за столом. А наших было мало, и они, конечно, старались не очень-то «высовываться» и не нарушать господствующего климата своим интеллектуальным вздором. Так, нашептывали друг другу всякие остроты и посмеивались укордкой. Только Володя Максимов был крайне мрачен.

Наконец, когда было достаточно выпито и съедено, отяжелевшие гости потянулись в соседнюю комнату. Мои подмигивали мне многозначительно. Я шел и понимал, что, по уже установившейся традиции, предстоит петь. Меня это в те годы радовало. Я начал привыкать к интересу, который проявляли к моим песням мои друзья. Рядом двигался хмурый Максимов. Пока мы сидели за столом, я, зная о его страсти к спиртному, подумал, что наступил этот час и потому он так мрачен. Но оказалось, что он трезв, трезвее меня и всех остальных, и это было непонятно.

В тесной комнате кто сидел, кто стоял. Мне подали гитару. Все замерли. Я чувствовал себя приподнято, хотя, конечно, и волновался: очень хотел угодить слушателям.

- Что же мне вам спеть? - спросил я, перебирая струны, - что-то сразу и не соображу...

- Может быть, «Сапоги»? - шепнул кто-то из своих.

Я подумал, что «Песенка о сапогах» - это военное. Это не ко дню рождения... И посмотрел на Максимова. Он был мрачен.

- Ну, «Неистов и упрям...», - подсказали снова.

- Нет, - сказал я, - начну-ка с «Последнего троллейбуса»... Все-таки московская тема...

Я стал перебирать струны. Одна фальшивила. Принялся настраивать. Было тихо. Правда, в соседней комнате звенела посуда: там сустились, приводя стол в порядок.

«Когда мне невмочь пересилить беду...» - запел я. Максимов опустил голову. Выпавая, я подумал, что следующей будет «Песенка о Ленке Королеве». Да-да, подумал я, хоть и военная, но все-таки московская.

Я пел и попутно обмозговывал свой небогатый репертуар. И вот конец: «... и боль, что

скворчком стучала в виске, стихает...» - и последний аккорд. Кто-то из своих захопал. И вдруг из дальнего угла крикнули требовательно:

- Веселую давай!.. «Цыганочку»!..

- «Цыганочку»!.. - загудели гости, и кто-то затянул «Ехал на ярмарку ухарь-купец...».

Я не понимал, что происходит. Стоял, обнимая гитару. Тут ко мне подскочил Максимов, дернул меня за руку и прошипел:

- Пошли отсюда!.. - и повел меня насильно в прихожую. - Давай одевайся! Скорей, скорей!.. Пошли отсюда!..

Мы вышли из квартиры. Ноги у меня были деревянные. Голова гудела.

- Я не хотел тебе говорить, - сказал, кипя, Максимов уже на ночной улице, - когда мы пришли, там, на столике в прихожей, лежал список гостей, и возле твоей фамилии было написано - «гитарист»!